

Данильев А.А., Синельникова Л.Н ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРОЕКЦИИ НА НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИИ

Наиболее показательным признаком современной эпохи является стремительное нарастание процессов мировой глобализации – сложного, многогранного общецивилизационного явления, охватывающего все стороны общественного развития. Хотя эти процессы активно изучают крупнейшие исследовательские центры мира, единого общепризнанного определения понятия «глобализация» до настоящего времени не существует. Есть лишь ряд удачных интерпретаций этого понятия. Так, по определению Международного валютного фонда, глобализация – это «интенсивная интеграция как рынков товара и услуг, так и капиталов» [31, с. 246]. Т. Фридман полагает, что сущность глобализации – в «неукротимой интеграции рынков, наций-государств и технологий» [29, с. 9], а П. Каценштейн и Р. Кохэн – во все большей транспарантности национальных границ. Для экономистов главное в этом явлении – интенсификация мировой торговли, интернационализация и регионализация экономики. Для философов суть глобализации заключается в универсализации человеческих ценностей, социологи усматривают в этом феномене прежде становление единого образа жизни людей в различных регионах мира.

Профессор Парижского института политических исследований Б. Бади выделяет три измерения глобализации, которые интегрируют и все другие подходы к этому явлению: исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий; гомогенизация мира, жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям; признание растущей взаимозависимости, следствием которой является разрушение государственного суверенитета, «размывание» национальных границ [23, с. 28]. Большинство отечественных и зарубежных исследователей видят суть глобализации в росте взаимозависимости – экономической, политической, социально-культурной. Согласны ученые и с тем, что глобализация – во многом стихийный процесс, не особенно зависящий от воли и усилий его основных участников. В силу этого обстоятельства глобализация несет не только положительные, но и отрицательные результаты, и, следовательно, порождает как многочисленных сторонников этого процесса, так и не менее многочисленных противников.

Глобализация, таким образом, не только открывает новые горизонты развития, но и таит в себе новые вызовы и угрозы. Очевидно, что параллельно с интенсификацией её в финансовой и экономической сферах, развитием транснациональных корпораций (500 крупнейших ТНК имеют сегодня совокупный продукт в 21,9 трлн. долл., т.е. около 61% мирового валового продукта и контролируют капиталы в 35,6 трлн. долл.) [32, с. 115], расширением финансовых рынков (объем валютных торгов в мире превышает 1 трлн. долл. в сутки), существенным ростом материального достатка, наметившейся гуманизацией экономической сферы выявляется неравномерность этих процессов, разрыв между бедными и богатыми странами, сохранение и увеличение неравенства внутри ряда государств. Наибольшая плотность и динамичность глобализационных процессов в области экономики и высоких технологий приходится на наиболее развитые страны, которые расположены в треугольнике «Северная Америка – Западная Европа – Восточная Азия».

В настоящее время, по общему признанию большинства специалистов, к ставшим уже традиционными глобальным проблемам (сохранение мира; перенаселение планеты; ликвидация отсталости, растущего разрыва в уровне развития; экологический кризис, переход к устойчивому развитию; борьба с голодом, нищетой, болезнями; использование Мирового океана и космического пространства в интересах всего мирового сообщества и др.), добавились такие, как предотвращение распространения наркотиков, проблемы науки и научно-технического прогресса, развития самого человека, международный терроризм. В последнее время все большее число исследователей настойчиво выделяют еще одну глобальную проблему – кризис современной системы образования. Осознание глобальности этого явления произошло еще в начале 70-х гг. XX столетия, а вот формы проявления всемирного кризиса образования в разных странах различны. Для развивающихся государств остро стоит проблема доступа к образованию. Известно, что в этих странах начальную школу посещает большинство детей, а среднюю и высшую – менее 50%. В результате в индустриальном мире грамотное население составляет более 95%, а в беднейших странах мира – от 10% до 50% [3, с. 58]. В настоящее время около миллиарда человек (т.е. каждый 6-й житель планеты) остаются функционально неграмотными. Парадоксальным является то, что серьезные противоречия в системе образования существуют и в развитых странах: консерватизм традиционных систем образования, отставание их от запросов современной жизни; недемократичность; неспособность адаптироваться к масштабам и темпам социальных изменений. Так, по уровню знаний в области естественных наук выпускники американских колледжей оказались на последнем месте в группе 18-ти наиболее развитых стран мира. На пороге третьего тысячелетия 40% детей, окончивших 4-й класс, не владеет навыками чтения (в бедных районах – 68%), треть поступающих в колледжи нуждается в посещении специальных классов для развития навыков чтения, письма, счета [8, с. 100–101]. Поэтому неудивительным является, по мнению известного американского политолога П. Кеннеди, то, что 25 миллионов взрослых американцев не настолько хорошо читают, чтобы понять смысл предупреждения на пузырьке с лекарствами, а 22% взрослых не могут написать адрес на конверте [11, с. 360].

Актуальность проблемы неравенства доступа к образованию усугубляется еще и тем обстоятельством, что в условиях глобальной взаимозависимости та социальная страта, к которой принадлежат высокообразованные люди, становится все более замкнутой. Это вызвано главным образом возрастающими расходами на

образование и отсутствием во многих семьях средств на эти цели. Американский исследователь Ф. Фукуяма на основании этих тенденций даже отметил, что в настоящее время в США классовые различия объясняются, прежде всего, различием в полученном образовании [30].

Масштабность проблемы реформирования образования была признана и участниками состоявшейся в 1997 году в Палермо общеевропейской научной конференции «Европейская программа изменений в высшем образовании в XXI веке». Как отмечалось на конференции, проблема образования затрагивает интересы примерно 25–30% граждан каждой страны. Все большее число специалистов приходит к осознанию неоспоримости того факта, что образование, наряду с проблемами энергетики, экологии, бедности и др., вошло в число глобальных проблем человечества, что модель образования XXI века должна претерпеть кардинальные трансформации и ориентироваться в своей основе не на прошлое, а на будущее человеческой цивилизации. Именно поэтому в 1997 году под эгидой Совета Европы и ЮНЕСКО была разработана и принята Лиссабонская конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию Европы. Эту конвенцию подписали 43 государства (в том числе и Украина), большинство из которых и сформулировали позже принципы Болонской декларации. Так стартовал Болонский процесс, начатый 29 странами Европы в 1999 году и направленный на создание открытого европейского пространства высшего образования.

Главным механизмом образовательной революции должна стать информатизация, обеспечивающая доступ к информационным технологиям. В настоящее время число индивидуальных пользователей Интернета в мире превысило 800 млн. человек, которые проживают главным образом в США (172 млн.), Японии (99 млн.), Германии (43 млн.), Великобритании (27 млн.), Франции (22 млн.), России и Голландии (по 15 млн.). К сожалению, Украина уступает по этим показателям России в 15–30 раз, Германии – почти на 2 порядка, а сравнение с США вообще лишено смысла [9]. Так, еще в 1998 году число украинских пользователей Сети составляло всего 30 тысяч, а к концу 2001 года – уже 750 тысяч человек. Всего по Украине точки доступа к Интернету имели 111 населенных пунктов [14].

Украина четко определила ориентир на вхождение в образовательное пространство Европы, осуществляет модернизацию системы образования в контексте европейских требований, все настойчивее работает над практическим присоединением к Болонскому процессу. «Вряд ли сегодня кто-то сможет, – отметил В.Г. Кремень, – спрогнозировать все конечные результаты от реализации идей Болонской декларации для европейского образования. Но понятно одно: медлить, выжидать и таким образом отдаляться от Европы недопустимо. Тем более, что большинство достижений и традиций в образовании каждой страны все равно будут сохранены» [13].

Обратим внимание на выражение «медлить, выжидать и отдаляться от Европы недопустимо». И тем не менее мы медлим. Медлим, например, с приданием дисциплине «Паблик рилейшнз» статуса полноценной самостоятельной области знания, давно переросшей рамки управления бизнесом. В развитых демократических обществах паблик рилейшнз включает организацию коммуникативного пространства для реализации программы любых действий, предполагающих опору на общественное понимание и поддержку. В таком варианте пиар-образование в Украине фактически отсутствует.

Медлим также со сколько-нибудь целостным осмыслением связей лингвистики и политологии, хотя есть все основания для такого объединения. Не столько, может быть, по желанию ученых-лингвистов и политологов, сколько по государственной необходимости: без повышения уровня доверия к власти трудно оценивать степень демократичности жизни, достижения в строительстве открытого общества. Проблема создания открытого общества непосредственно связана с процессами глобализации, предполагающими формирование и закрепление в политической жизни и общественной практике новых критериев открытости. Эти критерии имеют отношение к свободе информации, ответственности власти перед народом, отказу от политики двойных стандартов и многому другому.

Политическая система формируется и проявляется как объемное информационное пространство, наполненное разнообразными коммуникативными связями. Политика – это комплекс политических действий, направленных на реализацию политических программ. Чем активнее политическая деятельность, тем больше объем и регистр связей с общественностью. Степень открытости общества сказывается на характере политических коммуникаций и политических технологий (предвыборных, имиджевых и т.д.). «В любом случае, можно говорить о связях с общественностью как о специфической форме политических коммуникаций, без которой не могут сегодня функционировать ни национальные политические системы, ни системы глобального управления» [22, с. 99]. Чем больше таких связей, тем демократичнее общество. Ограничение количества связей – свойство закрытой политической системы, отдаленной от потребностей людей и не предполагающей действенной обратной связи с ними.

Политологи анализируют социальную реальность на основе системного подхода к политической жизни. Исследований – как теоретического, так и эмпирического характера, относящихся к анализу современных общественно-политических процессов, происходящих в мире и в нашей стране, достаточно много.

Лингвисты также проявляют интерес к политике через рассмотрение проблем политической коммуникации, политического дискурса, языка власти, речевого поведения политиков.

Политический язык – это язык политики и политиков. Он «находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности: быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [2, с. 24]. Выполняя разные функции,

политический язык обслуживает групповые и ситуативные потребности коммуникации, используя при этом разнообразные языковые средства и риторические приёмы.

Язык власти – это язык, который: 1) выражает её идеологические и социально-политические установки, 2) осуществляет контроль за формированием общественного сознания (через интерпретацию значений, смыслов, оценку событий и т.д.) и манипулирует им. Проблема власти, таким образом, неотделима от проблем языка, его когнитивных и коммуникативных возможностей, поскольку «социальное взаимодействие происходит преимущественно и главным образом с помощью языковых средств» [28, с. 220]. Язык – материальный ресурс власти, и борьба за власть нередко оказывается борьбой за языковые ресурсы, в ходе которой «присваиваются» необходимые смыслы, образы, изречения и т.д.

Политический дискурс – это текст или комплекс текстов, отображающих политическую (идеологическую) концепцию и способы её практической реализации. Политический дискурс фиксирует связи между языковой и социальной сферами, между речевой деятельностью и идеологией.

Семантика и прагматика различных сфер политической коммуникации обнаруживается в дискурсивной практике определённого времени с определённым «набором» политических сил. Анализ дискурса первоначально был связан именно со сферой политики [25; 18]. Дискурс-анализ позволяет выявить и системно описать текстуальные (языковые) формы проявления политических установок, приёмы стратегии и тактики, используемые политиками для достижения поставленных целей.

В пространстве названных понятий могут быть определены предмет и объект лингвополитологии (используются также другое название – «Политическая лингвистика» [16], но первое нам представляется более приемлемым).

Предмет исследования – политический язык, язык власти, политические коммуникации. **Объект** – политический дискурс, дискурсивные практики в политической сфере, отражающие разные политические «голоса» в разных коммуникативных ситуациях.

Дискурсивно-текстуальные формы проявления политических установок и приоритетов многообразны: политические номинации (в том числе новые, возникшие в условиях усиления влияния международного фактора и увеличения степени политической оппозиционности); семантико-стилистическая переоценка старых понятий; эвфемизация (смягченные способы выражения, нередко создаваемые с целью манипуляции общественным сознанием); создание новых идеологем и мифологем; расширение вербального представления аксиологических парадигм *прошлое/настоящее, свой/чужой*; особая метафорика и мн.др.

В отличие от советского политического дискурса, представляющего собой монологический тип коммуникации, современный политический дискурс ориентирован на диалог как основной механизм детолитаризации. Не без влияния идей открытого общества и глобализации резко изменилась жанровая представленность политического дискурса (политические дебаты, дискуссии, круглые столы как интерактивные языковые действия), возросла роль устной, нередко спонтанной, публичной речи, повысилась роль обратной связи и внимание к адресату.

Новые социально-исторические условия изменили и характер аргументации как способа формирования и закрепления знания и как «ментальной основы дискурса борьбы за власть» [17, с. 178].

Одно из направлений в изучении политического дискурса связано с описанием коммуникативных стратегий и тактик. В современном политическом дискурсе, формирующемся в условиях партийного плюрализма и активного оппозиционирования, всегда так или иначе означено присутствие *другого*, следовательно, в нем есть маркеры симпатии, антипатии, агрессии, угрозы, давления, снисхождения, унижения и т.д. Эти маркеры, имеющие языковую природу, направляют коммуникацию, влияют на адресата, в значительной мере определяют успех или неуспех политических манифестаций. Накопленный в лингвистике материал пока еще замыкается в рамках этой науки, в то время как наибольший практический интерес он представляет именно для политологии. Описаны стратегии враждебности и предубеждения [2], стратегия игнорирования оппонента [27], стратегия подчинения, стратегия и тактика уговоров, просьб, убеждений, дискредитации, самопрезентации [10], самооценки [5;15] и мн.др.

Обозначен интерес лингвистов к анализу украинской политики и украинского политического дискурса с учетом национальной ментальности [6;7].

Процессы персонификации политики, возрастание роли политических лидеров стимулировали интерес лингвистов к политикам как пользователям языка. Речевой облик политического лидера оказывает влияние на имидж и рейтинг партии, которую он представляет. Удачные или неудачные высказывания политиков замечаются и активно комментируются общественностью, становятся основанием для политического фольклора, то есть весьма активно и своеобразно влияют на общественное сознание. Лингвисты совершенно справедливо считают, что «новые условия реализации политического дискурса заметно повлияли на требования, предъявляемые к политическому лидеру. Он должен владеть письменной и устной речью, монологическими и диалогическими жанрами, различающимися иллюкативными целями (доклад на съездах политических движений, разные жанры парламентской речи, пресс-конференции, интервью, публикации в средствах массовой информации, выступление на митинге и т.п.)» [12, с. 182].

Особая роль в описании политических коммуникаций принадлежит современной социолингвистике, интересующейся проблемами социально-языкового взаимодействия. Систематизация фактического материала, осветляющего политические реальности современной жизни, анализ жанров публичной речи политиков, моделей их речевого поведения, описание речевых портретов политических деятелей – все это может обогатить лингвополитологию, выйти за рамки не столь уж широкого круга социолингвистов, с тем

чтобы стать достоянием общественной мысли и способствовать совершенствованию политических коммуникаций.

Речевые портреты политиков – новый для социолингвистики жанр, но опыт такого рода описанный накапливается, и он не бесполезен для анализа постсоветской политической коммуникации. Вот некоторые наблюдения русских и украинских лингвистов. Г. Явлинский: высокая степень языковой компетентности, владение разными жанрами публичной речи, в том числе и неформальным общением, обладает быстротой интерактивной реакции, подчеркнуто логичен, владеет техникой расстановки фразовых акцентов, для него характерно образное словоупотребление, использование игровых приемов развертывания образа. В. Жириновский: бедность словаря и стилистическая монотонность компенсируется количественной экспрессивностью речи (говорит много, без пауз, громко и эмоционально), нарушает все постулаты общения, эпатирует, проявляет непредсказуемую агрессивность по отношению к адресату, использует предельно упрощенную аргументацию, бездоказательные утверждения и нелепые доводы, обладает завышенной самооценкой, логические связи в его политическом дискурсе не проработаны [12]. В. Медведчук: нормативная языковая сдержанность, умение публицистически ярко обрисовывать отношение политических деятелей к обсуждаемому предмету, основывается на логике фактов, но при необходимости привлекает художественные образы и литературные цитаты [26].

Обстоятельный синхронно-диахронический анализ типологии политических слоганов (девизов) ряда политических партий Украины (СДПУ (О), «Нашей Украины», блока Ю. Тимошенко) представлен в монографическом исследовании Е. Серажим [17]. В работах политологов лингвистическое измерение в оценке фактов отсутствует.

Интересы политологов и лингвистов теснейшим образом соприкасаются в рекомендациях по организации предвыборных кампаний и по их последующему анализу. Любой из принципов предвыборной стратегии может получить дополнительную и весьма ценную лингвистическую поддержку, так как реализация стратегий возможна только при хорошо организованных связях с общественностью, а эти связи должны быть обеспечены коммуникативно. Поставленные цели могут быть реализованы, если удастся привлечь внимание избирателей и убедить их голосовать за выдвинутую идею и программу. И привлечь внимание, и убедить можно только с помощью слова. «Создать яркий контраст», «подчеркнуть идеологическую разницу», «найти простую эмоциональную тему», «формировать позитивный имидж» [24] – эти и многие другие классические принципы, важные для разработки предвыборной стратегии, трудно реализовать, не определившись с многообразными языковыми кодами, способными конкретизировать стратегические установки через тактические действия, направленные на эффективное общение с избирателями и убеждение.

С. Блэк, автор книги «Паблик рилейшнз. Что это такое» [1] называет 9 правил эффективного общения: 1) стремитесь иметь полную и достоверную информацию; 2) сохраняйте простоту и искренность общения; 3) избегайте преувеличений (не выдавайте желаемое за действительное); 4) особенно внимательно относитесь к общению с противоположным полом; 5) разнообразьте общение, не превращайте его в скучное, банальное мероприятие; 6) оформляйте общение соответствующим ситуации образом (опаснее всего – вычурность, экстравагантность и демагогия); 7) выделяйте время на ознакомление с общественным мнением; 8) следуйте принципу непрерывности действий; 9) старайтесь в общении проявлять позитивный и конструктивный подход. Очевидно, что каждый из постулатов эффективного общения может быть соотнесен с постулатами политической стратегии.

Выраженное и значимое лингвистическое измерение имеют имиджелогия и конфликтология. Имидж – это не столько внешний вид, сколько манера поведения, прежде всего речевая. Именно речь, поведение в дискурсе идентифицируют личность политика, создают как имиджевый щит, так и сигнализируют о выпадении из имиджа. Имидж – это и владение демократическими принципами организации прямого общения политика с аудиторией. Через диалог имидж привязывается к реальности, воспринимается не как эмблема, а как сущность человека. В диалоге с аудиторией происходит движение от имиджа к личности, слияние одного с другим [19]. Знание приемов бесконфликтного общения, соблюдение соответствующих коммуникативно-речевых правил – надежный путь как для предотвращения конфликтов, так и выхода из них [20]. Бесконфликтному общению поможет следование таким максимами: *максиме такта* (будь внимателен к интересам другого, соблюдай границы вмешательства в личную сферу), *максиме великодушия* (не нагружай своими проблемами того, кому они не интересны), *максиме одобрения* (поддержи позитивные действия и желания), *максиме скромности* (не ищи похвал, не преувеличивай свою значимость), *максиме согласия* (ищи пути для сближения), *максиме симпатии* (при любой возможности высказывай благожелательность) [4]. Об этих максимах говорят в курсах риторики, культуры речи и культуры общения. И менее всего – в политологии. Вряд ли политиков может привлечь призыв кота Леопольда из известного мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно!», но о выработке политкорректного языка и политических акций, так или иначе соотносимых с моралью, политикам подумать стоит: «Все, что является нравственным злом, является злом и в политике» (Ж. – Ж. Руссо). Мера демократичности общественных отношений определяется и степенью освоенности понятия *политическая этика*, в основе которого лежит ответственность и толерантность, понимаемая в этом случае как социальная и человеческая терпимость.

К сожалению, пока мы скорее говорим об откровенности манипуляций с общественным сознанием и о некорректном поведении политиков. Чего стоит, например, перечень рекомендуемых для оказания влияния на конкурентов и избирателей приемов: *принцип грязной каймы* (шельмовать, опорочить неугодно-го, пустить порочащий слух), *принцип дестабилизации* (прервать нормальный ход событий), *принцип закре-*

пления функции (навешивание негативных ярлыков, тиражирование отрицательных номинаций и формулировок в СМИ), принцип запечатлевания (внедриться в память и душу человека, подчинить его энергии и воле манипулятора), принцип запятнания (публичное унижение, умело рассчитанное ложное обвинение), принцип пакости (найти грязь, замарать, и пусть потом отмываются), принцип понта (внушать другим то, чем ты на самом деле не являешься), принцип научьего поведения (сплести паутину, расставить сети, затаиться и ждать) [21]. Если принципы и приемы влияния формулируются в варианте *ad absurdum*, их трудно будет верифицировать с точки зрения норм демократического поведения в открытом обществе. Стоит ли удивляться, что наиболее частотным эпитетом к слову «пиар» на постсоветском пространстве является слово «чёрный». Однако «сладострастная жесткость» чёрного пиара становится все менее интересной для общества.

Подведем итоги. Феномен глобализации не может не влиять на политическую культуру в демократическом обществе. Концепция глобализма включает критерии демократичности и открытости. Увеличение информационного пространства, важность для современной политики социальных и идеологических факторов международного характера – это также признаки глобализации, которые находят отражение в современных политических коммуникациях и дискурсах. Политология и лингвистика имеют все основания и возможности для соединения усилий с тем, чтобы повысить уровень политической культуры в стране, идущей по пути демократических преобразований. Синтез двух наук, их естественная комплементарность вполне соответствуют современному гуманитарному мышлению, для которого характерно внимание к процессам и результатам взаимодействия наук. Лингвополитология способна соединить раздробленные и отдаленные друг от друга знания, определить степень и характер взаимозависимостей политических намерений и их коммуникативно-языковой реализации.

Открытое общество – это и открытое коммуникативное пространство. Многообразие политических контекстов требует профессионального подхода к использованию языковых средств. Расширение связей с общественностью в политической сфере вызвало к жизни новые формы коммуникации, в которых опосредованное политическое общение и влияние уступает место непосредственному. Установка на активность адресата становится нормой политических сценариев и действий.

Коммуникативная беспомощность политиков, примитивные формы общения (и формы примитивного общения), речевая безграмотность должны стать анахронизмом. Современный политик должен уметь работать с прессой, давать интервью, проводить пресс-конференцию, достойно участвовать в дебатах и многое другое. Между тем, полноценно всему этому будущих и действующих политиков нигде не обучают. Этот факт можно квалифицировать как кризисную образовательную ситуацию. Может быть лингвополитология, законодательно включенная в специальность «Паблик рилейшнз», но с собственным дисциплинарным статусом, поможет ликвидировать этот досадный пробел.

Источники и литература

1. Блэк С. «Паблик рилейшнз». Что это такое? – М., 1990.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997.
3. Глобализация: человеческое измерение. – М., 2002.
4. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985.
5. Гуслистая Л.А. Параметры негативной этической оценки в критическом дискурсе публицистики // Вісн. Харківського нац. ун-ту. – 2001. – № 520. – Вып. 33.
6. Железняк Н.М. Науково-публіцистичний дискурс про особливості національного характеру (концепт “волелюбність”) // Вісн. Харківського нац. ун-ту. – 2001. – № 520. – Вып. 33.
7. Заверюченко Н.С. Національна ідея в політичному дискурсі Михайла Драгоманова // Вісн. Харківського нац. ун-ту. – 2001. – № 520. – Вып. 33.
8. Загладин Н.В. США: общество, власть, политика. – М., 2001.
9. Згуровский М. Информационные сетевые технологии в науке и образовании // Зеркало недели. – 2002. – 6 июля.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
11. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. – М., 1997.
12. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
13. Кремень В.Г. Болонский процесс: сближение, а не унификация // Зеркало недели. – 2003. – 13 декабря.
14. Павленко А. Интернет влияет на политику // 2000. – 2002. – 6 апреля.
15. Романишин Н.І. Дискурсивні особливості висловлювань самооцінки в умовах інтрасуб'єктної комунікації // Вісн. Харківського нац. ун-ту. – 2001. – №520. – Вып. 33.
16. Романов А.А. Политическая лингвистика. – М. – Тверь, 2002.
17. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність. – К., 2002.
18. Серию П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла. – М., 1999.
19. Синельникова Л.Н. Имидж как канал коммуникации // Гражданское общество как основа демократии. Пиар-деятельность в демократическом обществе. – Луганск, 2003.
20. Синельникова Л.Н. Конфликтология в системе «Паблик рилейшнз» // Гражданское общество как основа демократии. Пиар-деятельность в демократическом обществе. – Луганск, 2003.

21. Таранов П.С. Манёвры общения. – Донецк, 1999.
22. Тихомирова С.Б. PR-формування відкритого суспільства. – К., 2003.
23. Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. – М., 2002.
24. Филатов А.С. Электоральное поведение и политические технологии: как добиться успеха на выборах. – Симферополь, 2002.
25. Фуко М. Археология знания. – К., 1996.
26. Хмельюк М.М. Художне мислення в політичному дискурсі // Вісн. Харківського нац. ун-ту. – 2001. - №520. – Вып. 33.
27. Цибка В.В. Стратегія ігнорування опонента в передвиборному політичному дискурсі // Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». Сб. научн. трудов. – Ялта, 2003.
28. Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада. – К., 2000.
29. Friedman T. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. – N.Y., 2000.
30. Fukuyama Francis. The End of the History and the Last Man. – N. Y., 1992.
31. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y., 1996.
- Rosenau J. Along the Domestic – Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. – Cambridge, 1997.

Кокорина Е.Г.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ, ОТРАЖАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ «СМЕШЕНИЯ» В КУЛЬТУРЕ

Цель статьи – охарактеризовать своеобразие культурологической ситуации к XIX – нач. XX вв., одну из особенностей искусства этого периода – «всесмешение», нашедшее воплощение в различных культурных феноменах.

Актуальность определена общим интересом к культуре переходной эпохи рубежа XIX – XX вв., изучение процессов которой дает возможность глубже понять специфику современной эпохи – начала XIX века и III тысячелетия.

В культуре Нового времени XIX век занимает особое место. В это время буржуазная цивилизация достигает зрелости, а затем вступает в стадию кризиса, что сопровождается соответствующими изменениями в духовной жизни общества, в художественной культуре. По мнению Т.В.Хайдер, в переломный период на рубеже XIX и XX веков наступил «разрыв (прерванность) традиций» [5, с.20].

Характерной чертой искусства XIX века было отсутствие единой эстетической доминанты – родовой, видовой, жанровой. Складывается, а в XX веке уже становится определяющим «децентрализованный» тип художественной культуры: развитие искусства характеризуется асинхронностью и многостильем, борьбой противоположных направлений. Последние попытки преодолеть разорванность искусства предпринимает в конце XIX века «стиль модерн».

В XIX веке складывается классическая модель институтов художественной культуры. В мир искусства наряду с профессиональным творчеством входит фольклор, который, начиная с романтизма, функционирует по правилам высокой культуры, а также прикладное искусство и художественная промышленность. Союз художественной культуры и фабричного производства привёл к стандартизации предметного мира человека, снижению эстетической ценности бытовой вещи, а массовое тиражирование предметов искусства ставило его на поток, лишало тайны. Не случайно именно в XIX веке зарождаются «индустрия словесности», «индустрия зрелищ» – слагаемые «массовой культуры».

Джон Фаулз – один из интереснейших прозаиков современности, в творчестве которого часто анализируются процессы, свойственные переходным, кризисным периодам, взял в качестве эпиграфа к своему роману «Дэнниел Мартин» высказывание Антонио Грамши из его «Тюремных тетрадей», куда вошли его теоретические работы в области истории, философии и культуры: «Кризис заключается именно в том, что старое уже умирает, а новое ещё не может родиться; в этом междуцарствии возникает множество разнообразнейших патологий» [4, с.5].

Действительно, при изучении культуры рубежа XIX – XX веков мы легко обнаружим вульгаризацию и варваризацию. Патологии, о которых говорил Грамши, проявляются как террор в жизни и в культуре, жестокость и «бездушие» творцов истории, а также в том, насколько легко люди меняют убеждения и теряют представление о моральных нормах в условиях ненормированности общества периода становления. Появление огромного количества различных и разнонаправленных течений в искусстве, в религии и философии демонстрирует процессы всесмешения. Варваризация наглядно иллюстрируется формами футуристического искусства.

Говоря о «всесмешении» в искусстве, можно построить систему, где будут отражены различные принципы «смешения» в культуре* (см. Приложение 1).

На одной линии можно расположить явления синкретизма и синтеза. Но если ранний синкретизм – это «не смешение, а отсутствие различия между искусствами», когда разделения на различные виды искусства ещё не произошло, то синтез искусств, основанный на синестезии, – «слияние искусств» [2, с.9].

Явление первоначального синкретизма, свойственного культуре первобытного общества, является анахронизмом, так как практически мы не можем найти его примеров в современной нам европейской культуре после разделения искусства на виды, видов на жанры и т.д. Художественный синтез, тенденции к проявлению которого особенно ярко стали проявляться в искусстве конца XIX – начала XX века, с дальнейшим раз-